

необходимо вернуться к своим фундаментальным корням – восточной софийной природе [5, с. 286].

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситету.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М.: Логос, 2017. 408 с.
2. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3-х томах. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2001.
3. Кузнецов А.В. Россия в глобальной экономике: аксиологический подход // *Философия хозяйства*. 2018. № 2. С. 55-66.
4. Девятков А. Анти-Киплинг. М.: ООО “Издательство Волант”, 2014. 232 с.
5. Зотова Е.С. Гуманитарная мысль сегодня // *Философия хозяйства*. 2019. № 2. С. 283–290.

Об авторе:

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович – доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, e-mail: kuznetsov0572@mail.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВАКУУМ И ПРОБЛЕМА ОТСУТСТВИЯ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВА

И.В. Астафьев

Фонд развития гражданского общества, г. Москва

В 1992 г. Ф. Фукуяма написал известную работу «Конец истории и последний человек». В ней проводится мысль о том, что капиталистическая либеральная демократия является концом (и «венцом») истории, когда, наконец, индивидуальное окончательно отринуло коллективное. Из этих построений косвенно следует, что и сама идеология более не нужна («конец идеологии»), поскольку индивид может являться носителем лишь одной единственной идеи – в том или ином виде удовлетворение личных потребностей.

«Хотя большая часть человеческой деятельности направлена на удовлетворение естественных потребностей, значительное время уделяется также преследованию целей более эфемерных. Люди стремятся не только к материальному комфорту, но и к уважению или признанию, и они считают себя достойными уважения, поскольку обладают определенной ценностью или достоинством» [2, с. 240].

Это телеологически низводит человека до уровня животного, ибо последнему чужды коллективные интересы и идеология, их определяющая, они им просто не нужны. Единственное, что, по либеральной версии, отличает индивидуальные потребности животных от таковых у человека это наличие целей

признания. Иначе говоря, по версии либерал-индивидуализма, различие между животным и Homo economicus заключается лишь в неактуальном для зверей вопросе: «Ты меня уважаешь?!».

Думается, что в данном вопросе более уместным будет название другой книги – Л.Н. Гумилёва «Конец и вновь начало». В одном, правда, следует согласиться с Ф. Фукуямой, что на данный исторический момент действительно идеология «свободного рынка», базирующаяся на принципах доминирования частного капитала и методологического индивидуализма, является в плане завершенности и определенности самой совершенной. «И коммунистические левые, и авторитарные правые оказались банкротами. У них нет серьезных идей, способных поддержать внутреннюю политическую спаянность сильных правительств» [2, с. 88–89].

Полноценной идеологии, способной действительно противостоять капитализму и представляющей собой реальную альтернативу ему, пока так и не появилось. Социализм? Но что такое социализм? Кроме лозунговых деклараций самого общего характера и абстракции «От каждого по способностям, каждому по его труду» ничего нет¹.

Любой оппонент с убежденностью, легкостью и даже не без оснований заявит, что конкурентный свободный рынок и есть та система, которая полностью соответствует данному принципу.

Планово-государственная макроэкономика не смогла противостоять «обществу потребления» в области удовлетворения индивидуального спроса. При этом постулаты марксизма-ленинизма общего характера (и это не вина фундаментального учения) не смогли «убедить» массовое сознание в том, что общественные ценности и реальные социальные завоевания намного ценнее, чем западная рок-музыка, комфортное личное авто и обилие заклепок на джинсах в обтяжку.

Так называемая «смешанная экономика». Во-первых, сама эта формулировка в дискурсе идеологической базы представляет собой полный ноль. Как сущностно (подобно «уже-ежу» как продукту скрещивания), так даже и математически. Если условно обозначить капитализм как +1, а социализм как -1 (можно наоборот), то их суммирование даст ноль.

Во-вторых, по этому поводу тот же Фукуяма справедливо заметил: «Все современные капиталистические государства имеют большой общественный сектор, в то время как почти все социалистические государства допускают в той или иной степени частную экономическую деятельность. Ведутся споры по поводу того, насколько велик должен стать общественный сектор, чтобы государство перестало считаться либеральным. Но вместо определения точного процента полезнее было бы, наверное, посмотреть на то, как государство относится к принципу частной собственности и предпринимательства. Те государства, которые защищают такие экономические права, мы будем считать либеральными, те, которые их оспаривают или основываются на иных принципах (например, «экономическая справедливость»), либеральными считаться не будут» [2, с. 88–89].

Приведем только несколько лежащих на поверхности очевидных безответных вопросов, адресованных моделям как планово-государственной, так и смешанной экономик:

---

¹ Есть, правда, вполне положительный опыт функционирования планово-государственной экономики, но, как оказалось, это, пусть и фундаментальный, но лишь элемент устойчивой макроэкономической системы, не раздираемой социально-психологическими противоречиями. Прежде всего потребительского характера.

- Каковы идеолого-экономические принципы разграничения форм собственности на капитал? На товарные и общественные блага?
- Какова целостная экономическая модель оборота благ?
- Каков принцип распределения ресурсов между производительным и конечным потреблением? Между базовым и дополнительным конечным потреблением?
- Какие критерии эффективности функционирования государственного капитала; качества жизни; потребления; использования ресурсов?

Не случайно последними прижизненными словами И.В. Сталина были «Без теории нам смерть, смерть!». Это свидетельствует о том, что даже уже в начале 1950-х гг. он справедливо осознавал отсутствие цельной научно обоснованной концепции организации социально-экономической системы, построенной на основе марксистско-ленинской идеологии. Хозяйство страны – это кирпичи, а идеология – цементный раствор. Случилось то, чего и опасался Сталин: «здание» первой в мире социалистической системы обрушилось как стена, выложенная на песке вместо цемента.

Для России обращение к либерализму равносильно игре на чужом поле по чужим правилам. Есть еще религия. Религия тоже идеология. Но это архаичная и тем опасная идеология как ретровирус. Тем более в такой многоконфессиональной стране как Россия. Эту опасность можно наглядно проиллюстрировать тем, как в наши дни бывшие советские школьники и студенты страны, первенствовавшей в исследовании Космоса, на четвереньках (что очень симптоматично) ползут перед иконой «Обретение ума».

Справедливо, что «политика есть концентрированное выражение экономики» [1]. Политика базируется на идеологии. Организационная форма актора политической деятельности – партии или движения. Цель любой партии приход к власти с тем, чтобы проводить определенную экономическую политику в соответствии с конкретной идеологией. Круг замкнулся.

Логика «отсутствие идеологии – тоже идеология» в данном случае не актуальна, поскольку любая, и в особенности экономическая, деятельность должна иметь цель. А без идеологии возможна лишь единственная цель – индивидуальное конечное потребление, ведущая в тупик.

Тезисно излагать вариант принципиально новой идеологии здесь бессмысленно, но это и не нужно. Все идеологии можно разделить на два направления. Те, которые ориентируются на Человека-Творца (а это априори социальный человек, ибо наука у одного человека появиться не только не может, она ему просто не нужна), и те, которые провозглашают человека Потребителем. Необходимо отметить, что идеология потребления имеет перед идеологией прогресса ряд объективных естественных и априорных преимуществ. (Как гетера перед Сократом)¹. Она проста, наглядна, не требует научного обоснования и, что самое главное, автоматически консолидирует приверженцев этого экономического принципа организации, часто даже существенно расходящихся между собой во второстепенных теоретических и практических деталях.

Пароля «тотальный рынок» с отзывом «частная собственность» достаточно для того, чтобы идеологи стали в один строй. Напротив, противоположный лагерь раздираем идеологическими противоречиями. В нем зачастую царит иное правило объединения: либо полное и безоговорочное совпадение вплоть до мельчайших деталей, либо отказ от взаимной поддержки и

---

¹ Согласно притче, однажды гетера сказала Сократу, что если захочет, то уведет за собой всех его друзей и учеников, а вот ему такое не удастся. На что Сократ ответил: «Конечно, ... ведь ты зовешь опускаться вниз, а я – подниматься вверх».

неприятие. Отчасти это естественно, потому что старое уже затвердело, сохраняя внешнюю форму, а новое находится в аморфном состоянии.

Учитывая негативный опыт первой попытки отказа от доминирования частного капитала, необходима новая концепция макроэкономической системы, соединяющая воедино общие принципы с детальными механизмами их практической реализации, уровнем и свойствами массового сознания. Но это сложная задача, требующая междисциплинарного подхода и недопустимости выдавания желаемого за действительное.

Преимуществом является то, что главные теоретические и практические проблемы уже известны. Это, в частности, преодоление утопического подхода к вопросам индивидуального конечного потребления и разведение областей базового индивидуального конечного потребления, соответствующего планово-государственной экономике (включая, разумеется, всю цепочку оборота ресурсов), и дополнительного, люксового, соответствующего экономике свободного рынка.

Никакую идею (идеологию), как известно, нельзя победить, ее возможно лишь заместить другой, более актуальной и более активно поддерживаемой. Поэтому, несмотря на неудачу первой попытки отказа от идеологии максимизации индивидуального потребления, на условиях свободно-рыночных отношений и при доминировании частного капитала, это отнюдь не конец. А скорее, напротив – вновь начало.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М.: Логос, 2017. 408 с.
2. Шумпетер Й.А. История экономического анализа. В 3-х томах. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2001.
3. Кузнецов А.В. Россия в глобальной экономике: аксиологический подход // Философия хозяйства. 2018. № 2. С. 55–66.
4. Девятков А. Анти-Киплинг. М. : ООО “Издательство Волант”, 2014. 232 с.
5. Зотова Е.С. Гуманитарная мысль сегодня // Философия хозяйства. 2019. № 2. С. 283–290.

Об авторе:

АСТАФЬЕВ Игорь Владимирович – кандидат экономических наук, эксперт, Фонд развития гражданского общества, e-mail: iastafjev@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ СМЕНЫ ПЕРИФЕРИЙНОГО ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАСПАДА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА МАКРОРЕГИОНЫ

Д.П. Соколов

Финансовый университет, г. Москва

Национальная экономика (или любой иной субъект социально-экономических отношений), не создающая своей собственной модели, функционирует на вторых и третьих ролях в модели чужой. Применительно к мировому хозяйству реализация модели отражается в специфике сформированных цепочек добавленной стоимости, характерных для данной территории, и в проводимой экономической и социальной политике государства (точнее, в